

К 50-летию Победы

Автор опубликованных на этой странице воспоминаний Константин Николаевич Тыщенко живет в нашем городе с 1952 года. До настоящего времени продолжает трудиться в НПО ПМ. Во время войны был командиром артиллерийского взвода. На фронт ушел добровольцем, несмотря на бронь оборонного завода; попал под Сталинград. В составе 87 гвардейской стрелковой дивизии участвовал в разгроме четвертой танковой армии Готта, освобождал Новочеркасск, Ростов, Запорожье, Херсон, другие города юга России, участвовал в штурме Севастополя, воевал в Белоруссии и Прибалтике. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, многими медалями.

Рукопашный бой в новогоднюю ночь

К.Н.Тыщенко. Снимок военных лет.

Память сердца вновь и вновь возвращает меня к героическим делам тех, кто ценой своей жизни спас человечество от коричневой чумы. Прошло уже пятьдесят лет, а кажется, что это было вчера, так свежи и ярки в памяти события и трагические дни минувшей войны...

Приближался Новый 1945 год. Стояли мы на стыке двух наших стрелковых батальонов, на небольшой высоте, впереди, нашей пехоты не было, не было даже боевого охранения, позиции заняли ночью. Было уже темно, кругом глубокий снег. У каждого орудийного окопа все оборудовано в полный профиль: блиндаж для расчета, снарядные ниши, ходы сообщения между орудиями. Мои солдаты довольны, что все оборудовано, не нужно копать околы - такой подарок под Новый год! Ждем старшину с новогодним обедом и ужином и, конечно, с боевыми 100 граммами. Поставили орудия в капониры, снаряды в ящиках - в снарядные ровенки.

Посоветовавшись с И.Шевкуновым, старшим на батарее, решили с вечера на охрану батареи выставить часовым солдата Миколу Децика из пополнения. Это была роковая ошибка и Шевкунова, и больше моя. Впереди нас не было никого, только немцы: в 75-100 метрах немецкая траншея. Иногда слышалась гортанная немецкая лающая речь, но мы с Шевкуновым не обратили на это внимание, за что я чуть не поплатился жизнью. Шел двенадцатый час ночи, последний час уходящего 1944 года, в блиндаже горит светильник из 45-миллиметровой гильзы, солдаты играют в карты, Шевкунов спит, а я решил проверить, как Децик нас и батарею охраняет. Только вышел-из блиндажа, прошел несколько метров по траншее к орудию, как вдруг на меня кто-то прыгнул и тяжестью своего тела втиснул меня в траншею. Я сразу понял - немецкая разведка. Я был в ватных штанах, в валенках и полушубке. Сразу же сработала реакция самозащиты - закли-

ниться в траншее. Мгновенно убираю голову вниз, как страус, между колен, колени раздвигаю и заклиниваю в траншее. Немцы пытаются вчетвером вытащить меня. Но это им не удается, бьют меня прикладами автоматов по горбу и ниже, но через ватник, то есть телогрейку и полушубок, удары на меня не действуют. Вот один из четырех немцев заходит ко мне со стороны головы и пытается меня приподнять, навалившись животом. Я использую этот момент. Еще на Перекопе в Крыму каждому из нас перед высадкой десанта выдали по 2-3 финки, и на этот раз ножи пригодились. У меня их было 2, один за голенищем, другой - на поясе. Выход один - пороть этого здорового немца. Наносу удар снизу и распарываю фашисту брюхо, он оседает и придавливает меня своим телом. Немцы посчитали, что его зацепило шальной пулей со своей стороны (по ночам гитлеровцы ведут беспорядочную стрельбу во всех направлении-

ях). Три других гитлеровца возьматься, пытаюсь его стащить с меня. А я его держу на себе и тяну время. Чувствую, что вот-вот на батарее появится старшина Мельников с новогодним ужином и с ним человек 7 поваров, ездочные повозки, которые несут термосы с едой. Кричать или звать на помощь мне нельзя - в блиндаж, где находятся батарейцы, немцы могут бросить гранату. Как могу, сопротивляюсь немцам, чтобы они меня не вырубали и не уволокли, чувствую, что им нужен живой язык, да еще командир, они это определили по ремню.

Но, как говорят, нет худа без добра и наоборот. Старшина Мельников, подходя к позициям батареи, еще издали заметил, что на батарее немцы, а закон у моряков такой: сам погибай, а товарища выручай. Скрыто, ползком, оставив термосы под бугром, подполз со своей группой к траншее и навалился на немцев. Бой был коротким: всех троих порезали, но оставили в живых и доставили как языка в штаб дивизии. Я отделался тумачами да легким испугом.

А что было с Дециком? Он оказался трусом. Еще с вечера, услышав вблизи немецкую речь, забрался в одну из снарядных ниш и, заставив себя ящиками, просидел там до тех пор, пока его не выволокли батарейцы. Они ему надавали хороших тумачков и убили бы, если бы мы с Шевкуновым не вмешались. Децик нам нужен был живым, каждый солдат был для нас дорог. Но Децика на пост больше не ставили. Он был отменный сапожник и шил быстро обувь на всю батарею, добротные яловые сапоги, благо материала на передовой хватало.

Главная сущность подвига - суметь заставить себя в решительный момент боя подчинить свою волю осознанной необходимости и выполнить боевой приказ, причем сделать это мастерски - победить врага и сохранить себя, свои силы и силы боевых товарищей для будущего боя.

В этом и только в этом - главное слагаемое победы.